

Хозяйка дома на краю зимы

— Семь домов между мирами —

Книга первая

Саша Трубен

Саша Трубен

Хозяйка дома на краю зимы

«Автор»

2026

Трубен С.

Хозяйка дома на краю зимы / С. Трубен — «Автор», 2026

Марта Рябина умеет возвращать к жизни старые книги. Но когда ей достаётся дом исчезнувшей тёти, привычных инструментов оказывается недостаточно. За входной дверью лежит заснеженный город другого мира. На втором этаже растёт иней, по ночам звучат знакомые голоса, а местные жители просят новую хозяйку вернуть пропавших близких. Лесной смотритель Дан Северин знает, чем опасен этот дом. Двенадцать лет назад он потерял здесь отца — и теперь намерен уберечь Марту от той же ошибки. Только среди чужих голосов она слышит тётю, которую давно признали погибшей. Чтобы добраться до неё, Марте придётся разобраться в семейных тайнах, научиться доверять Дану и понять, кого нельзя впускать, даже если он обещает вернуть самое дорогое. Первая книга цикла «Семь домов между мирами». Завершённая история с романтической линией и тайной, которая откроет дорогу к следующей части.

© Трубен С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключ, который был тёплым	5
Глава 2. Человек с топором	8
Глава 3. Девочка у ворот	11
Глава 4. Три удара	14
Глава 5. Утренние дела	17
Глава 6. Нижняя улица	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Саша Трубен

Хозяйка дома на краю зимы

Семь домов между мирами
Саша Трубен

Глава 1. Ключ, который был тёплым

В письме о наследстве было сказано, что дом следует принять до первого снега. В противном случае он выберет себе другого хозяина.

Марта перечитала последнюю строчку, перевернула лист и посмотрела на конверт. Обычная бумага, настоящий почтовый штемпель, её фамилия без ошибки. Только обратного адреса не было.

За стеной мастерской сверлили уже второй час. Под локтем сохла обложка довоенного сборника сказок, на телефоне мигало сообщение от арендодателя: с ноября плата снова увеличивалась. Марта подумала, что любой дом, способный самостоятельно выбирать жильцов, наверняка предпочтёт человека с деньгами.

Она положила письмо под пресс.

Из конверта выпал ключ.

Чёрный, полупрозрачный, похожий на вырезанный из бутылочного стекла. Без зубцов. Вместо них на конце была неглубокая выемка в форме листа. Ключ ударился о стол, не разбился и покатился к банке с кистями.

Марта поймала его.

Он был тёплым.

В мастерской ещё не включили отопление. Она работала в старом свитере поверх водолазки, а чай остывал прежде, чем удавалось допить половину. Ключ согрел ладонь так, словно его только что сняли с батареи.

Под ним на столе лежала фотография.

Марта знала этот дом.

Не вспомнила сразу, где видела. Просто узнала: высокая крыша, крыльцо на четыре ступени, рябина у ворот. На правой стороне перил не хватало деревянного шара. В детстве она крутила такой шар обеими руками, пока он не отвалился, и очень боялась, что тётя Нина заметит.

Но в детстве они жили в квартире на третьем этаже. Дачи у Нины не было.

Марта села.

На обороте фотографии тётиным почерком было написано: «Не верь тому, кто обещает вернуть всё, как было».

Она провела пальцем по букве «в». Нина всегда выводила её с маленькой петлёй сверху. Марта сама когда-то так писала, пока школьная учительница не заставила исправить почерк.

Двенадцать лет назад Нина вышла за хлебом и не вернулась.

Полицейские спрашивали о долгах, болезнях, знакомых мужчинах. Марта, которой было семнадцать, злилась на каждый вопрос. У тёти не было ни долгов, ни мужчины, о котором стоило бы говорить таким голосом. Она просто надела синий плащ, взяла сетку с пустыми банками для молока и сказала, что успеет до дождя.

Через семь лет пришло судебное решение. На бумаге Нина стала умершей. В жизни она осталась женщиной, которая не успела до дождя.

Марта достала письмо из-под пресса.

Адрес состоял из названия станции и номера дома. Станцию она нашла на карте через несколько минут. До неё ходила электричка. Дальше — шесть километров лесной дороги.

Она позвонила указанному внизу нотариусу. Автоматический голос сообщил, что номер не существует.

— Конечно, — сказала Марта.

Она сфотографировала письмо, отправила подруге Вике и написала, что в субботу собирается съездить посмотреть. Вика ответила мгновенно: «Если это мошенники, пусть хотя бы оплатят тебе ремонт обуви».

Марта посмотрела на треснувшую подошву ботинка.

В субботу утром выпал снег.

Он сразу таял на тротуарах, задерживался только на крышах машин и рукавах прохожих. Марта стояла у окна с чашкой и смотрела, как белые крупинки исчезают в грязи. На столе лежал ключ. За два дня он ни разу не остыл.

В электричке она пыталась читать, но всё время возвращалась к фотографии. Дом выглядел пустым. Шторы были сняты, дорожку забросало листьями, на ступенях темнели следы воды. И всё же в одном окне виднелось что-то светлое — узкое пятно, слишком ровное для отражения неба.

Марта увеличила снимок на телефоне.

Пятно стало похоже на лицо.

Она выключила экран.

На станции никто не вышел вместе с ней. Женщина в билетной кассе долго смотрела на адрес, потом сказала, что старую дорогу давно размыло и лучше ехать через посёлок. Но автобус будет только вечером.

— А пешком?

— Если по лесу, часа полтора. Только там связи нет. Вы к кому?

— Дом посмотреть.

Кассирша подняла глаза.

— Какой дом?

Марта показала фотографию. Женщина сначала поднесла её ближе, потом отодвинула.

— Не знаю такого. Вы лучше в посёлке спросите.

Она вернула телефон и отвернулась к окошку, хотя за Мартой никого не было.

Снег прекратился. В лесу пахло мокрой корой и грибами. Марта шла по дороге с глубокими колеями, стараясь не думать, как будет возвращаться в темноте. Через сорок минут навигатор потерял её местоположение. Ещё через десять телефон выключился, хотя заряд оставался почти полный.

Тогда между деревьями показалась рябина.

Ягоды висели тяжёлыми красными кистями. Под ними стояли ворота, а за воротами — дом с фотографии.

Марта остановилась.

В жизни он был больше. Второй этаж нависал над каменным основанием, окна смотрели в лес, на крыше лежали мокрые листья. Медный колокольчик у двери позеленел. Дорожка заросла, но в середине оставалась узкая полоса чистой земли, будто кто-то совсем недавно прошёл к крыльцу.

На перилах действительно не хватало шара.

Марта поднялась на первую ступень. Доска прогнулась точно так, как она помнила: ближе к левому краю. В памяти вспыхнули маленькая ладонь, заноза и тётин голос: «Не двигайся, я сейчас достану».

Она не могла помнить этого. Но помнила.

Замочная скважина была круглой. Ключ вошёл, хотя не подходил к ней ни формой, ни толщиной.

За дверью послышался вздох.

Марта замерла, прислушалась и решила, что это ветер прошёл по пустым комнатам. Она повернула ключ.

Дверь открылась внутрь.

В прихожей пахло яблоками и печной золой. На вешалке висел синий плащ. Под ним стояли старые резиновые сапоги, а на полке лежала сетка с тремя пустыми молочными бутылками.

— Тётя Нина?

Слова прозвучали громче, чем Марта собиралась.

Из глубины дома донёсся стук. Потом ещё один. Где-то наверху открылась и закрылась дверь.

Марта шагнула в прихожую.

Снаружи хлопнули ворота.

Она обернулась — и увидела за крыльцом снег.

Не редкие крупинки на мокрой земле. Настоящие сугробы, по пояс вдоль ограды. Рябина стояла голая. Лес исчез. Вместо него за воротами тянулась узкая улица с каменными домами, над крышами поднималась тёмная колокольня.

По улице шёл человек с охапкой дров. Он остановился, увидев Марту. Дрова выпали у него из рук.

Марта выскочила на крыльцо. Холод ударил в лицо так сильно, что перехватило дыхание. Она спустилась на две ступени, поскользнулась и ухватилась за перила.

— Где станция? — спросила она.

Человек смотрел на неё, не двигаясь.

— Станция где?

Он попятился, наступил на полено и едва не упал. Потом развернулся и побежал.

Марта осталась на крыльце.

За спиной тихо звякнул колокольчик. Ни ветра, ни чужой руки возле него не было.

На пороге сидел рыжий кот без хвоста.

Он посмотрел на Марту с таким недовольством, словно она опоздала не на двенадцать лет, а на ужин, и ушёл обратно в дом.

Из глубины прихожей донёсся женский голос:

— Дверь закрой. Тепло выпускаешь.

Марта узнала его сразу.

— Нина?

Но когда она вернулась внутрь, прихожая была пуста. Только в зеркале напротив двери медленно таял отпечаток ладони.

Глава 2. Человек с топором

Первым делом Марта снова открыла дверь.

Улица никуда не исчезла. На снегу лежали брошенные дрова. С колокольни донёсся один глухой удар.

Она закрыла дверь, сосчитала до десяти и открыла ещё раз.

Кот посмотрел на неё из кухни.

— Не начинай, — сказала Марта.

Телефон не включался. На часах застыла стрелка, хотя батарейку она меняла месяц назад. Марта положила обе бесполезные вещи на полку и ущипнула себя за запястье. Больно было совершенно обычно.

За кухонной дверью находилась большая комната с печью. На столе стояли кувшин, две чашки и тарелка, прикрытая полотенцем. Под полотенцем лежал хлеб. Свежий: когда Марта нажала на корку, та хрустнула.

Она не стала есть. Сначала проверила воду в кране. Вместо крана над раковиной висел медный бачок с маленьким рычажком. Марта нажала, и в чашу потекла тонкая струя.

Всё выглядело обжитым. Полотенце на крючке было влажным, у печи сохли вареники, в корзине лежали три картофелины. Но на подоконнике скопилась пыль такой толщины, какую не набрать за неделю.

— Здесь кто-нибудь есть?

Кот запрыгнул на стол и начал тянуть зубами полотенце.

— Кроме тебя.

Он не ответил.

Марта прошла по нижнему этажу. Гостиная, маленький кабинет, пустая спальня. В кабинете стояла швейная машинка, которую она помнила по тёткиной квартире. Та же потёртая ручка, тот же кусочек изоляции на проводе. Но провода здесь не было. Вместо него под столом качалась ножная педаль.

На втором этаже оказалось шесть дверей. Марта пересчитала дважды. Из прихожей ей казалось, что дом гораздо уже.

Пять дверей открывались в пустые комнаты. Шестая, в самом конце коридора, была покрыта ковром. Перед ней на полу лежала дорожка, разрезанная поперёк. Край ткани ровно совпадал с границей белого налёта.

Марта протянула руку.

Снизу ударили в дверь.

Она отдернула ладонь и пошла вниз так быстро, что едва не подвернула ногу.

На крыльце стоял мужчина с топором.

Топор он держал лезвием вниз, но это мало успокаивало. На мужчине была тёмная куртка с меховым воротником, высокие сапоги и кожаные перчатки. На волосах таяли снежинки. Он посмотрел на Марту, затем на ключ у неё в руке.

— Вы одна?

— А вам зачем?

— Чтобы знать, сколько людей выводить.

Марта крепче взялась за край двери.

— Сначала положите топор.

Он посмотрел на свою руку, словно только сейчас вспомнил, что несёт.

— Это для дерева.

— Здесь всё из дерева.

Мужчина несколько секунд молчал. Затем наклонился и положил топор на ступень.

— Дан Северин. Лесной смотритель. Теперь вы.

— Марта Рябинина.

Он едва заметно изменился в лице.

— Родственница Нины?

— Племянница. Где она?

— Я надеялся спросить это у вас.

Марта открыла дверь шире.

— Заходите. Только без топора.

Дан не двинулся.

— Повторите моё имя.

— Что?

— Пригласите по имени. Здесь это важно.

Она посмотрела на улицу, на сугробы, на незнакомую колокольню. Видимо, странности не собирались заканчиваться.

— Дан Северин, входите.

Он переступил порог. Колокольчик звякнул один раз.

В прихожей Дан снял перчатки, посмотрел на плащ и застыл. Марта проследила за его взглядом.

— Он здесь висел, когда я пришла.

— Не трогайте пока.

— Это её плащ. Я его знаю.

— Я тоже.

Он произнёс это так, что Марта отступила на шаг.

Дан осмотрел зеркало, провёл пальцем по раме и понюхал ладонь. Потом поднял голову к лестнице.

— Вы поднимались?

— Да.

— Последнюю дверь открывали?

— Нет.

Он выдохнул. Впервые с момента появления на крыльце.

— Хорошо. Давайте начнём с того, что вы наденете что-нибудь тёплое. Здесь холоднее, чем там, откуда вы пришли.

— Где здесь?

— Вязовье.

— Это какая область?

Дан посмотрел на неё внимательно.

— У нас нет областей в вашем смысле. Есть город, лес и дорога на юг. Дом выходит к нам, когда считает нужным.

Марта рассмеялась. Смех получился коротким и злым.

— Дом считает нужным.

— Да.

— А я, значит, не считаю ничего.

Дан не улыбнулся.

— Пока вы не знаете, куда попали. Это можно исправить.

Он провёл её на кухню. Кот уже стащил хлеб на пол и теперь жевал корку, придерживая обеими лапами. Дан поднял остаток, осмотрел и положил на чистую тарелку.

— Мох, ты совершенно испортился.

Кот моргнул.

— Вы его знаете?

— Он ворует у моей сестры рыбу. Теперь понятно, куда исчезает после.

Дан нашёл в шкафу чай, понюхал, достал кастрюлю и налил воды. Марта наблюдала за ним с возрастающим раздражением: незнакомый мужчина распоряжался в доме её тётки так уверенно, будто имел на него больше прав.

— Я умею поставить чайник.

— Тогда ставьте. А я объясню, почему вам нельзя оставаться здесь ночью.

— Вы уже третий раз говорите, что мне делать.

Он убрал руки со стола.

— Верно. Извините. У этого дома плохая история, и я не ожидал увидеть в нём человека.

Марта взяла кастрюлю. Печь была тёплой, хотя в топке не горело ни одного полена. Под золой едва заметно светился маленький уголёк.

— Что за история?

— Двенадцать лет назад здесь открылась дверь, которую следовало держать закрытой. Люди пропадали. Некоторые вернулись. Не все.

— Нина тоже пропала двенадцать лет назад.

— Знаю.

— Вы считаете, она виновата?

Дан посмотрел в окно.

— Я считаю, что вы заслуживаете услышать всё, когда перестанете дрожать.

Только тогда Марта заметила, как ходят её пальцы. Она поставила кастрюлю на плиту, обхватила себя за плечи и села.

Дан достал из шкафа шерстяную шаль. Не накинул на неё сам — положил рядом.

— Дом нельзя продать, разобрать или унаследовать обычным порядком, — сказал он. — Если он принял ваш ключ, вы можете здесь жить. Но это не значит, что обязаны.

— Тогда как мне выйти обратно?

— Сегодня — не знаю.

Ответ был неприятный, зато впервые звучал честно и понятно.

Из печи донёсся тихий треск. Уголёк вспыхнул ярче.

Марта услышала голос Нины:

— Воду не кипятить дважды. Чай будет пустой.

Она вскочила.

Дан тоже поднялся, но смотрел не на печь. На потолок.

— Вы слышали?

— Да.

— Это она!

Он шагнул между Мартой и дверью кухни.

— Возможно. А возможно, дом повторяет то, что помнит. Не отвечайте, пока не увидите, кто говорит.

Наверху медленно скрипнула половица.

На кухонном столе растаяла снежинка. Потом ещё одна.

Марта подняла глаза. С потолка падал снег.

Глава 3. Девочка у ворот

Снег перестал падать, когда Марта положила в печь первое полено.

Дан показал, где лежат дрова, но растапливать сам не стал. Сказал, что огонь должен принять её руки. Марта уже собиралась спросить, не требуется ли ещё песня на неизвестном языке, однако он объяснил проще:

— Дом узнаёт человека по работе. Раньше Нина говорила именно так. Я не умею объяснить лучше.

Это хотя бы подходило к тому, что Марта знала о тёте. Нина никогда не произносила высоких речей о заботе. Она чинила, готовила, подкладывала в чужой карман перчатки. Если дом был на неё похож, возможно, с ним ещё удастся договориться.

Они дождались огня. Потом Дан нашёл на вешалке старую куртку, и Марта нехотя согласилась выйти с ним в город. Остаться одной возле говорящего потолка хотелось меньше, чем узнать, что такое Вязовье.

Улица спускалась к площади. Дома стояли тесно, окна на первых этажах были защищены деревянными ставнями. Почти у каждой двери висел колокольчик. Некоторые медные, другие железные, один — вырезанный из кости.

Люди смотрели на Марту. Не все со страхом. Пожилая женщина у колодца прищурилась и сплюнула в снег. Мальчик с корзиной едва не врезался в стену. Мужчина, чинивший навес, молча слез с лестницы и убрал инструмент.

— У меня что-то на лице? — спросила Марта.

— Вы вышли из закрытого дома.

— Из-за этого?

— Последний человек, которого видели на его крыльце, умер двенадцать лет назад.

Она остановилась.

— Вы же говорили, не знаете, где Нина.

— Я говорю не о ней.

Дан пошёл дальше. Марта догнала его, но спрашивать больше не стала.

В аптеке пахло сушёной мятой и спиртом. За прилавком женщина в зелёном переднике резала полосы ткани. Увидев Дана, она положила ножницы и посмотрела на Марту.

— Только не говори, что опять принёс раненого зверя.

— Ирина, это Марта Рябина.

Женщина перестала улыбаться.

Марта устало сняла шаль.

— Да, родственница. Нет, не знаю, где она. Нет, не понимаю, как сюда попала.

Ирина несколько секунд изучала её лицо, потом вышла из-за прилавка.

— Чай пила?

— Не успела.

— Значит, начнём с чая. Дан, сходи за хлебом. И вернись с хлебом, а не с очередной катастрофой.

Брат нахмурился, но ушёл.

Ирина провела Марту в маленькую комнату за аптекой. Там стояли стол, узкая кровать и печка, которая грела совершенно обычным способом. Марта села ближе к огню.

— Ты его сестра?

— К сожалению для его самолюбия, да. Он до сих пор думает, что я не умею переходить улицу без сопровождения.

— Мне он тоже начал объяснять, как надевать куртку.

— Значит, понравилась.

Марта подняла глаза. Ирина засмеялась и поставила перед ней кружку.

— Не в этом смысле. Если бы не понравилась, он позвал бы городской караул и стал разговаривать через забор.

От чая согрелись пальцы. Марта поняла, что голодна так сильно, что почти тошнит. Ирина достала сыр, положила на блюдо и не стала комментировать, как быстро он исчез.

О Вязовье она рассказала без сказочных вступлений. Маленький город у северного леса, стекольная мастерская, две мельницы, дорога, которую зимой часто заметает. В этом году снег пришёл рано и держался уже три недели. Люди начали исчезать. Сначала старый дорожный рабочий, потом женщина из нижней улицы, потом двое подростков, решивших проверить заброшенную сторожку.

— Караул ищет, — сказала Ирина. — Пока находит только вещи.

— А мой дом при чём?

— При Нине такого не было. Она держала его тёплым. После её исчезновения дом закрылся, и зима несколько лет вела себя спокойно. Мы начали надеяться, что всё кончилось.

Марта сжала кружку.

— Что именно?

Ирина помолчала.

— Есть то, что приходит с холодом. Мать называла его Зимним гостем. Я думала, это сказка, которой детей пугают, чтобы не бегали ночью. Пока оно не заговорило голосом моего отца.

Снаружи хлопнула дверь. Дан вернулся с хлебом и пакетом, который сразу отдал Марте. В пакете были носки, варежки и пара сапог.

— В долг, — сказал он прежде, чем она успела возразить. — У Агаты ваш размер. Она держит вещи для тех, кто приезжает с юга.

— Я приехала совсем не с юга.

— Ноги этого не знают.

Марта посмотрела на него и неожиданно улыбнулась. Дан словно не ожидал улыбки. Отвёл глаза, положил хлеб на стол и начал спорить с сестрой о том, сколько дров осталось у неё в сарае.

После аптеки он проводил Марту обратно. У ворот стояла девочка лет десяти в слишком большом пальто. На шее у неё висел ключ на красном шнурке.

— Ты новая? — спросила она.

— Наверное.

— А старая где?

— Не знаю.

Девочка нахмурилась.

— Тогда плохо.

Дан присел перед ней.

— Соня, Тая знает, где ты?

— Я сказала, что иду за мукой.

— И где мука?

— Ещё не купила.

Он посмотрел на пустые руки девочки. Та упрямо подняла подбородок.

— Мне надо поговорить с хозяйкой.

Марта почувствовала, как неприятно отозвалось это слово. Она не была хозяйкой. У неё не было ни документов, ни понимания происходящего, ни даже собственных сапог подходящего размера. Но Соня смотрела так, будто у Марты было всё необходимое.

— О чём?

Девочка вынула из кармана варежку. Красную, с криво вышитым белым цветком.

— Это мамина. Я нашла у вашей двери. Она пропала три недели назад. В городе говорят, ушла. Но она не ушла бы без меня.

Марта взяла варёжку.

Внутри что-то шевельнулось.

Она отшатнулась, едва не выронив вещь. Из шерсти вырвался слабый запах хлеба и дыма. На мгновение Марта увидела длинный тёмный коридор, женщину с рукой у горла и снег, лежащий прямо на полу.

Потом всё исчезло.

Дан поймал её за локоть.

— Что вы увидели?

Марта посмотрела на Соню. Девочка уже поняла ответ, хотя никто ничего не сказал.

— Она жива? — спросила Соня.

Марта могла бы отдать варёжку и уйти. Сказать, что не знает, что ей самой нужна помощь, что она не просила ни дома, ни чужой беды. Всё это было бы правдой.

Но она слишком хорошо помнила полицейских, которые спрашивали, не могла ли Нина просто начать другую жизнь.

— Я видела женщину, — сказала она. — Не знаю, была ли это твоя мама. Но попробую выяснить.

Соня шагнула вперёд и обняла её за пояс.

За воротами тихо звякнул медный колокольчик.

Глава 4. Три удара

Дан хотел остаться в доме до утра.

Марта не знала, чего ей хочется больше: чтобы он остался или чтобы наконец перестал решать, что ей нужно. День растянулся так, словно в него уместилась неделя. Она устала отвечать на вопросы и слушать объяснения, которые делали мир ещё менее понятным.

— У меня есть кровать, — сказала она. — Есть печь. Вы показали, где дрова. Дальше я справлюсь.

Дан стоял у кухонного окна. На улице уже темнело.

— Вы не обязаны доказывать мне храбрость.

— Я доказываю только то, что могу сама выбрать, кто останется со мной в доме.

Он медленно кивнул.

— Хорошо. Тогда послушайте три вещи. После третьего удара ночного колокола никому не открывайте. Если услышите знакомый голос, сначала посмотрите на того, кто говорит. И не трогайте дверь с инеем.

— А если это действительно Нина?

— Тогда она поймёт, почему вы не открыли сразу.

Марта не нашла ответа.

Перед уходом Дан оставил на столе маленький железный колокольчик. Язычок внутри был обмотан красной ниткой.

— Если понадобится помощь, повесьте снаружи и дёрните три раза. Я живу через два дома. Услышу.

— Почему не дать мне просто свисток?

— Свист в метель далеко не слышно. Этот слышно.

Она взяла колокольчик. Железо было холодным, тяжёлым, совершенно не волшебным на вид.

— Спасибо за сапоги.

— Верните Агате, когда найдёте свои.

Дан вышел. Марта закрыла дверь на засов и некоторое время прислушивалась к его шагам. Они стихли у ворот.

Дом сразу стал другим. При чужом человеке он казался странным, но обыкновенным зданием: стены, лестница, окна. Теперь в каждой комнате что-то шуршало. Под полом постукивало, в трубе тянуло, наверху время от времени скрипела доска.

Марта заставила себя заняться ужином.

Картошка, лук, немного масла. Она нашла соль в жестяной банке и нож, которым Нина когда-то чистила яблоки. На ручке остался след от ожога — тётя положила его слишком близко к газовой конфорке. Марта помнила, как они обе пытались скрыть запах горелой пластмассы от отца.

В доме не было пластмассы. Ручка ножа оказалась деревянной.

Она положила нож и долго смотрела на него.

Потом всё-таки начала чистить картошку. Если разбирать каждую невозможную вещь отдельно, можно умереть от голода раньше, чем найдётся объяснение.

Кот сидел у печи. Когда Марта уронила кусочек картофеля, он понюхал его с оскорблённым видом.

— Рыбы нет.

Мох отвернулся.

На стене между шкафами висел маленький листок. Бумага пожелтела, буквы были написаны крупно и неровно, как будто человек торопился.

«Огонь — утром и вечером. Воду — свежую. Гостей называй по имени. Ночью на стук не отвечай. Если всё же впустила, помни: хозяйка вправе отозвать приглашение. Скажи тому, кто вошёл, уйти, и открой наружную дверь. Не удерживай его вещами, жалостью или обещанием».

Внизу стояло: «Н.»

Марта прочитала несколько раз. Последние слова были обведены карандашом так сильно, что бумага почти прорвалась.

Ужин получился пересоленным. Она съела всё, вымыла тарелку и решила спать на кухне, на широкой лавке у печи. В спальне было холодно, а подниматься вверх не хотелось.

Перед сном Марта достала Сонину варежку.

Ничего не произошло. Обычная шерсть, неровный цветок, протёртое место у большого пальца. Она надела варежку на руку. Та оказалась мала.

И вдруг услышала дыхание.

Не своё. Чужое, частое, испуганное. В памяти, которая ей не принадлежала, кто-то прижимал эту руку к груди и повторял имя девочки.

— Соня, — прошептала Марта.

В печи лопнуло полено. Видение исчезло.

На улице ударил колокол.

Один раз. Потом второй.

Марта подошла к окну. За стеклом лежал снег. Фонарь у соседнего дома раскачивался, хотя ветки рябины не двигались.

Третий удар прозвучал тише первых.

В дверь постучали.

Марта застыла. Сердце билось так сильно, что стало больно под рёбрами.

Стук повторился: три коротких удара и один длинный.

Так стучал отец, когда приходил без ключей.

Она закрыла глаза.

— Мартышка, открой. Замёрз совсем.

Голос был его. Немного хриплый после простуды, с привычной усмешкой на последнем слове. Отец умер в больнице пять лет назад. Марта держала его за руку, пока пальцы не стали холодными. Она точно знала, что он не может стоять сейчас на крыльце.

Но ноги сами понесли её в прихожую.

— Я знаю, ты там. Свет вижу.

Марта остановилась у двери. Между ней и отцовским голосом было дерево толщиной в ладонь.

— Папа?

Кот зашипел.

Он стоял на нижней ступени лестницы, выгнув спину. Шерсть поднялась дыбом, уши прижались к голове.

— Ну чего ты? Открывай.

Марта положила ладонь на засов. Вспомнила, как отец однажды вернулся с работы с маленьким бумажным пакетом. Внутри лежала сломанная механическая птичка. Он нашёл её на свалке и сказал, что у хороших вещей тоже бывает неудачный день. Они чинили птичку до полуночи, и Марта впервые поняла, что хочет возвращать вещам жизнь.

— Какого цвета была птица? — спросила она.

За дверью стало тихо.

Потом голос ответил:

— Ты сейчас серьёзно? Мне холодно.

Отец никогда не говорил с ней таким тоном. Даже когда было больно. Даже когда врачи перестали обещать.

Марта отняла руку от засова.

— Уходи.

— Марта.

Теперь голос звучал совсем близко, будто губы прижались к щели.

— Я сказал: открой.

Она попятилась. От двери по полу побежала тонкая белая полоса. Иней тронул край коврика.

Марта хотела позвать Дана, но для колокольчика нужно было открыть наружную дверь. Вместо этого она схватила железный звонок и ударила им о перила.

Звук получился резким, болезненным. Снаружи кто-то выдохнул.

Она ударила второй раз. Потом третий.

Голос за дверью изменился.

— Твоя тётя тоже думала, что сумеет меня выгнать.

Это уже был не отец.

Марта бросилась на кухню, схватила полено и сунула в печь. Искры обожгли запястье. Огонь поднялся выше, и иней в прихожей остановился.

Снаружи послышались быстрые шаги.

— Марта! Дан Северин. Не открывайте. Я сам постою здесь до утра.

Она сползла по стене на пол. Кот подошёл и ткнулся лбом ей в колено.

До рассвета Марта подбрасывала дрова и слушала, как за дверью настоящий человек время от времени переступает с ноги на ногу.

Глава 5. Утренние дела

Утром Дан вошёл только после того, как Марта назвала его имя.

Он продрог. На ресницах лежал иней, пальцы плохо сгибались, на левом сапоге лопнула пряжка. Марта молча подвинула ему стул к печи и поставила чай.

— Вы могли уйти, — сказала она.

— Мог.

— Я не просила стоять всю ночь.

— Знаю.

Она хотела сказать ещё что-то, но вместо этого достала сухие носки. Дан посмотрел на них, потом на неё.

— Это мои. Ирина дала из дома.

— Тогда вам повезло.

Он снял сапоги. На левой ноге носок промок насквозь. Марта отвернулась к плите, чтобы не смотреть, как он морщится, стягивая ткань с кожи.

— Оно говорило голосом отца, — сказала она.

Дан перестал двигаться.

— Вы ответили?

— Один раз. Потом спросила о вещи, которую знали только мы. Оно не знало.

Он кивнул, но радости на лице не появилось.

— Теперь знает, что вы будете проверять. Второй раз тот же вопрос не поможет.

Марта села напротив.

— Это оно забрало Сонину мать?

— Возможно.

— И Нину?

— Возможно.

— У вас на всё такой ответ?

Дан поднял глаза.

— На то, чего не знаю, да.

Они некоторое время молчали. Потом он спросил, как звали её отца. Марта ответила. Дан повторил имя — Лев — и сказал, что ему жаль.

Она была благодарна, что он не спросил, давно ли умер отец и как именно. Такие вопросы редко помогали тому, кого спрашивали.

Когда Дан ушёл переодеться, в дом пришла Агата.

Она оказалась маленькой пожилой женщиной с корзиной белья и таким выражением лица, будто уже заранее недовольна всем, что увидит. На пороге назвала себя, дождалась приглашения и немедленно направилась к печи.

— Заслонка открыта слишком широко. Дров не напасётся.

Марта посмотрела на корзину.

— Вы принесли бельё?

— Нет, я люблю носить тяжёлое по утрам. Конечно, бельё. Дан сказал, у вас ничего нет.

— У меня есть вещи.

— Какие?

Марта подумала о телефоне, ключах от квартиры и кошельке с бесполезными здесь деньгами.

— Ладно. Почти ничего.

Агата кивнула, словно они наконец пришли к разумному соглашению, и начала развешивать полотенца.

За ней появился Егор, её внук. Высокий подросток с острыми локтями, вихром на макушке и ящиком инструментов. Он оглядел потолок с профессиональным интересом.

— Здесь трубу надо чистить.

— Ты ещё не видел трубу, — сказала Агата.

— Я чувствую.

— Сначала посмотри. Чувствовать будешь, когда сажу вынесешь.

Егор улыбнулся Марте и полез к печи.

Работа изменила дом быстрее, чем любые объяснения. Агата открывала шкафы, выбирала пригодные вещи, безжалостно выбрасывала сгнившие тряпки. Марта мыла полки. Егор снимал заслонку и ругался на мастера, который поставил её двенадцать лет назад. Через полчаса выяснилось, что тем мастером был его дед. Егор стал ругаться тише.

В ящике под полотенцами Марта нашла тетрадь.

На обложке было написано: «Для той, которая придёт после меня».

Она села прямо на пол.

Первые страницы занимали хозяйственные записи. Где покупать масло. Как сушить дрова. Почему нельзя давать Мху молоко, сколько бы он ни притворялся несчастным. На полях Нина нарисовала кота с огромным животом.

Марта рассмеялась и тут же закрыла рот ладонью.

Дальше почерк стал мельче.

«Дом связывает разные места. Не пытайся объяснить это устройством стен. Он держится на людях, которые в нём жили. Если ухаживать за ним, он узнает тебя. Если заставлять его, он станет путать двери».

Марта перелистнула страницу.

«Чёрный ключ — для наружной двери. У него два поворота. Первый ведёт туда, где дому сейчас нужна хозяйка. Второй, до рассвета, может вернуть к дороге, с которой ты пришла. Но только когда в печи горит живой огонь. Если огонь гаснет, возвращение становится непредсказуемым».

Она подняла голову.

— Я могу вернуться.

Агата перестала складывать бельё.

— Конечно, можешь. Ты же не пленница.

— Дан не знал.

— Нина не всем всё рассказывала.

В этих словах было столько усталости, что Марта не стала спорить.

Она читала дальше. Домов было семь. Каждый стоял на своей границе. Один — у воды, другой — в городе, где никогда не прекращался дождь. Этот второй Нина называла Домом тихого часа. О нём была только короткая пометка: «Не засыпать, пока не проверены окна».

Их дом держал зиму.

Не обычный холод, а место, где всё оставалось таким, каким его запомнили. Там можно было увидеть умершего, услышать забытый голос, снова оказаться в комнате детства. Но воспоминание не становилось человеком. Оно только училось занимать его место.

«Гость питается тем, что ему отдают. Сначала вниманием. Потом надеждой. Потом правом остаться. Не путай жалость с приглашением».

Марта вспомнила голос отца за дверью и закрыла тетрадь.

— Нина знала, что я приду?

Агата села на табурет.

— Она надеялась, что придёт кто-нибудь. Не обязательно ты.

— Тогда почему ключ прислали мне?

— Потому что у дома длинная память. А у людей короткая жизнь.

Марта поморщилась.

— Можно без загадок?

Агата посмотрела на неё почти с уважением.

— Можно. Ты жила здесь маленькой. Нина увезла тебя после смерти матери. Дом помнит.

Вот и позвал.

За печью Егор уронил инструмент.

Марта сидела неподвижно.

В её жизни только что появилось детство, о котором она ничего не знала. И женщина в синем плаще, оказывается, всю жизнь рассказывала ей не всю правду.

Глава 6. Нижняя улица

К полудню Марта решила, что прежде, чем сердиться на Нину, неплохо бы её найти.

Она могла уйти до рассвета. Теперь знала как. Эта возможность лежала в кармане тяжёлым чёрным ключом и не давала покоя. Дома были работа, неоплаченные счета, Вика, которая наверняка уже звонила. Здесь — холодный город, говорящие стены и чужой ребёнок, ждущий ответа.

Марта не любила людей, которые легко обещают помочь. Сама она обычно предлагала конкретное: привезти еду, посидеть в очереди, починить вещь. Найти человека в другом мире было слишком большой задачей для её привычных способов.

Она попросила Дана показать дом Сониной матери.

Он пришёл после обеда. Переодетый, выбритый, с красными от холода руками. Марта заметила, что без ночного инея он выглядит моложе, чем ей показалось сначала. Потом рассердилась на себя за неуместное наблюдение.

— Я прочитала про второй поворот, — сказала она.

Дан остановился у стола.

— Значит, можете уйти.

— Завтра до рассвета. Если захочу.

— Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.